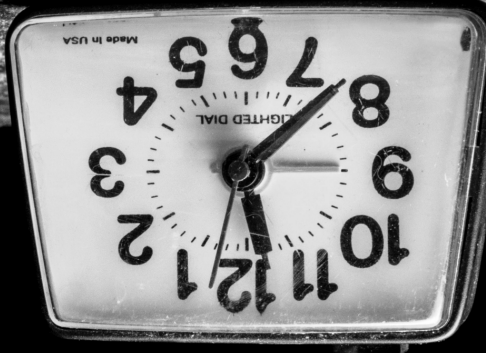

АРТЁМ ГОРОХОВ

БЭК -
ФЛЭШ-
ФОРВАРД

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Артём Андреевич Горохов

Бэк-флэш-форвард

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42154287

SelfPub; 2020

Аннотация

Необычная структура, экспрессивные персонажи и полная неразбериха с тем, что произошло в тот день, когда Земля перевернулась. Уникальный роман о жизни, ценностях, морали и неразберихе, которая началась после публикации той злополучной книги. Некоторые до сих пор говорят, что ничего этого не было. Ну, а окончательное решение – за вами. При оформлении обложки использовано изображение Райана МакГвайра по лицензии ССО с сайта imcreator. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие автора	4
Часть первая	5
Вступление	5
Часть вторая	8
Вступление	8
Часть третья	10
Вступление	10
Глава первая. Руслан (I)	13
Глава вторая. Руслан (II)	21
Глава третья. Руслан (III)	29
Глава четвёртая. Владик (I)	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Предисловие автора

Дорогой читатель, роман, что ты держишь в руках, имеет несколько необычную структуру. Так уж получилось. Вначале он состоял из трёх частей, в каждой из которых рассказывалось об определённом периоде жизни одного из шести героев. Каждая часть имела своё предисловие. Однако, по завершении работы, мне стало ясно, что читать такое повествование не очень удобно. Пока ознакомишься с шестью главами первой части и подходишь к чтению второй, легко запутаться в судьбах столь контрастных персонажей. В итоге я решил разместить главы таким образом, чтобы три периода жизни каждого героя шли последовательно. Получилось шесть небольших историй об одном и том же событии. Но вот отказаться от вступления к каждой части я так и не смог. Они нужны. Именно поэтому я размещаю все три вступления в самом начале, но читать их нужно не все разом, а по очереди, ведь каждое отдельное вступление относится к отдельному периоду жизни каждого героя. Получается, что ко вступлению первой части можно при желании вернуться перед чтением первой главы о жизни каждого персонажа, второго – ко второй, третьего, соответственно, третьей.

Часть первая

Вступление

Иногда сам собой возникает вопрос, а нужно ли было вообще рассказывать о тех событиях? Ведь столько мнений бытует о произошедшем. Французский учёный Рене Декарт как-то сказал о своих принципах познания: «...никогда не принимать за истинное ничего, что я не познал бы таковым с очевидностью... включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и столь отчётливо, что не даёт мне никакого повода подвергать их сомнению».

Вот и выходит, что Декарт ни за что не стал бы рассказывать о той трагедии. Просто не разобрался бы во всех хитро-сплетениях. Получается, что о тех событиях могли бы поведать достоверно только сами участники, но из них так никто и не удосужился взяться за перо. Но наверняка и их сочинения были бы лишь отражением их собственного мнения, стеснённого рамками личного восприятия и возможностями познания их разума.

Ну что же? Выходит, что желающим докопаться до сути вещей, необходимо собрать как можно больше информации о том дне, чтобы проанализировать данные и выделить из них зерно истины. Пусть потом применяют метод индукции

или дедукции, как будет удобно.

Впрочем, понять, почему произошёл этот теракт и как люди докатились до такого, не так уж сложно.

Мы ведь уверенно говорим о некоторых вещах, что они сбудутся в будущем. Можно часто услышать «сейчас взойдёт Солнце», или «когда начнётся отлив», или даже «завтра будет дождь». У людей есть твёрдая уверенность в этом. Так сказать, проверено на опыте. Всё закономерно и объяснимо.

А ведь на самом деле и люди такие же предсказуемые. Просто времени не хватает, чтобы выделить закономерности в их поведении. Если бы человек жил достаточно долго, то и его поведение можно было бы предсказать почти с такой же уверенностью, как движение Солнца и планет по небесным орбитам. В этом случае можно было бы с такой же уверенностью сказать: «Сейчас Вася почешется и откроет очередное пиво», – или, например, – А завтра, примерно в 11, у Екатерины будет секс».

Поведение людей даже более предсказуемо, чем можно себе представить. Семья, общество, личные нравственные ориентиры закладывают в голову индивида устойчивые реакции или манеру поведения. Да, это не всегда работает, если человек сталкивается с чем-то новым и необъяснимым. Тогда он может замереть, как баран перед новыми воротами. Но ведь никто и не гарантирует, что Солнце завтра снова взойдёт. Есть только большая вероятность этого.

Но мы ведь не о том. Разговор о дне, когда случился этот

теракт, когда Земля перевернулась с ног на голову. Или вы не считаете, что это был теракт?

Часть вторая

Вступление

Во время взрыва все начинают бегать, как мураши, когда расшебуршили их муравейник. Все носятся из стороны в сторону, не понимая зачем, горлопанят. Конечно, взрыв ведь никого не оставит равнодушным. Естественно, мимо не пройдёшь, если скорость детонации чуть ли не 7 километров в секунду! Раз – и жизнь уже не будет прежней. Раз – и нет твоего муравейника, который ты строил с пелёнок. Такие дела.

Они ведь тоже разные бывают. Взрывы эти. Скажем, если далеко бабахнуло, то тебе и дела нет. А вот как шибанёт так, что волна несколько раз вокруг шарика нашего обернётся, тогда все завопят. Будут ходить потом как оглашённые.

Ясное дело. Это ведь как мясорубка временная. То есть мы так воспринимаем событие это. Все входим в эту мясорубку отдельными мясными кусочками, а выходим одним фаршем. Интересное дело получается. Есть сочные кусочки, есть сухие, есть жилистые, есть уже с запашком. Много каких кусочков есть.

Взрыв – он как противоположность столпотворения, в смысле возведения Вавилонской башни. Там ведь сначала

люди вместе были, а потом Бог разделил всех. А теперь все настолько самостоятельными стали, что пришло время их малость объединить.

А то уж слишком разошлись некоторые. Даже писатели. Что ни книга, так обязательно нужно написать, что Бога нет. Фантасты давно так придумали делать. Потом видимо уже в печать не принимали книги, если этой пометки не было. Не знаю, уж хотят они себя такими узколобыми показать, или и вправду являются такими кретинами. Кто разберёт? Это как люди недалёкие, которые спрашивали у первых космонавтов, мол, видели они там Бога на небе? А они и рады отпартовать, что никак нет.

Так ладно фантасты! Сейчас это в любой книге найти можно, кроме разве богословской. У них видать, у богословов, свои издательства есть.

Но мы ведь о взрыве! Может и хорошо, что он был! Хотя, если так посмотреть, то мы повыскакивали из этой мясорубки времени всё такими же индивидуальными. Одни после взрыва задумались, другие совсем стухли, третьи скурвились. Но, не мне же судить, конечно.

Часть третья

Вступление

Листаем учебник истории и думаем, какое было страшное время! Как люди жили на границе двух эпох? Тут же вспоминаем китайца, который сказал, что только врагу можно пожелать жить в период перемен, а вот так получилось, что мы сами живём в такое время. Да разве скажешь, что в такое уж невыносимое время живём? Может у кого-то и хуже жизнь была... Хотя, если судить по высказываниям представителей каждого из поколений, жизнь на протяжении столетий и тысячелетий становится только хуже и хуже. Ведь каждый не применёт сказать «а вот когда мы были в этом возрасте, у нас такого себе не позволяли!» Вот так и получится, что лет через двести, когда школьник откроет электронную лекцию по истории и будет изучать наше время, он обязательно подумает, как эти старички там жили? Как вообще можно было выжить в таких условиях?

Один мудрец раскрыл секрет человеческой души. Он понял, что эта «тёмная» материя состоит из двух половин. Одна – разумная, дающая человеку такие качества, как благородство и благодетельность. А вторая часть эмоциональная – удел страстей.

При этом для того, чтобы нам, скудоумным, было легче это понять, мудрец объяснил нам свою теорию образно. «Душа, – говорил он своим ученикам, сидевшим прямо на каменном полу перед ним, – подобна повозке, в которую запряжена пара коней. Повозкой правит возничий. Он есть разум, разумная душа. А кони суть душа чувственная, но она по природе своей дуальна, двойственна. Так, один конь благороден. Когда он вырывается вперёд, человеком движут благородные порывы. А второй конь низок, груб и туп».

Вот так со времён сотворения всё было нормально и сбалансировано. И правил повозкой возничий. Потом наступил перелом. Что-то случилось с возничим. Может на выбоине подскочила повозка, и возница выпустил удила. Благородный конь вырвался вперёд, почувствовав свободу. Полный сил, он одарил человечество героями, которые в своём благородном безумстве делали историю, поворачивая то в одну, то в другую сторону.

Возничий же никак не мог снова схватить удила, чтобы выправить ситуацию. Он пробовал взять ситуацию, под контроль, но кони попались привередливые, и их было уже не остановить.

А потом пришло наше время. Время следующего перелома. Конь благородный выдохся, он ещё какое-то время пытался сам тянуть повозку, но мочи не было продолжать гонку. Вперёд стал выходить ретивый конь, которого мудрец называл грубым, низким и тупым.

Вот в тот день это и произошло. Все думали, что стряслось? Как случилась эта планетарная катастрофа? Грешили на активность солнца, антиматерию, космические лучи или испытание оружия. Но всего-навсего на планете возобладали страсти низменные и животные. Конь тупой помчал вперёд к обрыву. А всем было как-то не до этого. Если бы Земля не перевернулась в тот день, то никто ничего бы и не заметил. Несётся повозка и несётся.

Правда, один поэт по этому случаю написал следующий стих:

Всё течет, всё изменяется;
Меньше стало достойных образов;
Время принцев-героев кончается;
Настало время каких-то пидоров.

Вот видите, значит, чувствовали люди в то время, что что-то неладное твориться. Да и что говорить об этом? Всё равно мы в глазах нового поколения лишь старики, которые сетуют на свою жизнь и проявляют недовольство лишь потому, что сами отстают от жизни. Всё идёт так же, как и шло.

Глава первая. Руслан (I)

Лето особо прекрасно в стареньких двориках, окружённых пошарпанными двухэтажными домами. Высокая зелёная трава, длинные дни, заросшие палисадники и ветхие кладовки – настоящий рай для мальчишек. Это и поле сражения, и татами для борьбы, и секретный «штаб», где можно сделать тайник и хранить там свои ценные вещи.

Фантазия мальчишек, подпитываемая новыми американскими фильмами, становится просто безграничной: горка превращается в космический корабль, а вспышки молний при грозе мнутся выстрелами кораблей пришельцев. Палка чудесным образом оборачивается бластером. Ну а если отец или старший брат смастерит из доски, деревянной прищепки и резинки самострел, то счастью нет предела.

Мальчишки всегда носятся гурьбой. А если кого не выпускают на улицу по причине наказания, вся ватага будет жалобно вопить под окном, пока мать не сжалится и не отменит карательные меры.

При этом в каждой шайке малолетних разбойников (как их именуют сварливые бабульки) обязательно есть свой гласный или негласный лидер. Иногда сорванцы даже не осознают, что они не равны, что идут за кем-то.

Руслан сидел на скамейке один. Остальные сидели на корточках. Он был старше других мальчишек на год-два (а ведь

это целая пропасть!) и чётко знал, кто тут лидер. Он знал, что есть и другие «старшики» – кто уже учится в старшей школе. Они собираются в кружок в другой части двора, открыто курят, лузгают семечки, играют на гитаре вечерами, не гнушаются и женской компанией. Вся детвора их побаивалась, а Руслан сам шёл к ним. Он гордился, что был с ними на короткой ноге. Мальчуган знал, что малышня побаивается его, и пользовался этим. Ему это приносило большое удовольствие.

Вот и теперь, сидя на скамейке, он видел, как нервничают мальчишки, сидящие на корточках перед ним. Им и хотелось бы уйти, но они не могли. Руслан плюнул на землю и растёр плевков сандалией. В ладони он крутил коробок спичек – заперщённой среди детворы вещицы.

– Ну и где? – в который раз спросил он.

– Сейчас уже придут! – охотно ответил Алёша, который нервничал больше всех. – Вон они идут!

Со стороны бассейна неслись два мальчика. Один повыше – он в этом году должен пойти в школу, а второй – совсем ещё малыш. Они подбежали к скамейке и, вывалив на неё грудку окурков, стали отряхивать ладони. Ведь родители строго запрещали брать эту дрянь. Руслан недовольно поковырял пальцем «улов».

– Я же сказал с фильтром принести! – недовольно проговорил он и вперился взглядом в добытчиков.

– Там не было других, – виновато ответили мальчишки.

Руслан выбрал окурок с фильтром, достал спички и прикурил. Мальчишки открыли рты и стали озираться по сторонам. Им хотелось быстрее смотаться отсюда, но они не могли, и Руслан наслаждался этим. Его действия были преступлением, грехом, святотатством. Это было даже несравнимо с бранным словом при взрослых. Наверное, хуже было бы только снять штаны и прилюдно вылезти на сцену в парке.

Руслан выпустил дым и улыбнулся: «Пусть знают, что я плохой. Я такой же, как и старшики. И даже больше. Сыкло они!». Окурка хватило на три затяжки. После этого он выбросил фильтр и прикурил «Астру».

Тут на дороге появился белобрысый мальчишка с буханкой хлеба, которую он успел пообкусывать с двух сторон. Он широко улыбался чему-то своему.

Руслан тоже улыбнулся и свистнул.

– Эй, Свистун, – крикнул он и поманил рукой, – иди сюда.

У мальчика было обидное матерное прозвище Саша – «Свистун». Он был немного «того» и время от времени приносил своей странной одинокой матери разные «сюрпризы». Так, совсем недавно он умудрился забраться в автобус, который шёл в другой город. В том городе он шатался по улицам полдня, пока добрые люди не сдали его в милицию.

Саша подошёл, продолжая жевать хлеб.

– Что ты там ешь? – спросил Руслан, раздумывая над тем, что бы сделать с этим ушлёпком.

– Леп, – неразборчиво ответил мальчик.

Руслан вспомнил, как однажды Саша ни с того ни с сего съел сгоревшую дотла спичку. Это было очень странно, но Саша потом только улыбался.

– Давай я тебе закуску сделаю! – предложил вожак. – Дай-те мне лист.

Ему мигом дали широкий лист от вишни, которая росла тут же. Руслан достал спичку, зажѐг её и спалил полностью, перехватив её за сгоревшую головку, когда огонь дошёл до середины. Так он проделал с тремя спичками. Он хотел дать их Саше, но потом встал, сорвал с дерева несколько плодов и, раздавив их в ладони, полил угольки красным соком, смешанным с пылью и грязью. Лист с угощением он протянул Свистуну.

Мальчишки, замерев, наблюдали за его действиями. Некоторые даже встали, чтобы лучше видеть.

– Ешь! – приказал Руслан, встав перед мальчиком. – Он был на две головы выше и заметно крупнее.

Мальчишки с ужасом устремили взгляды на лист с бурой жижей. Но Саша совсем не испугался и даже не расстроился. Он взял лист, выпил всё содержимое и стал пережёвывать спичечный пепел. Вся его чумазая физиономия светилась.

– Зачем ты это делаешь? – не выдержал один из мальчишек. Он обращался к Саше.

– Кусно, – ответил он искренне.

– Да, это даже полезно, – вставил кто-то нерешительно.

– Да! – поддержали остальные, закачав головами. Каждый

из них в ужасе подумал, что в следующий раз такое угощение может достаться ему.

– Всё, иди! – отпустил жертву Руслан, вставая, чтобы помыть руки в бассейне.

Мальчик «развивался» очень быстро. В 9 лет втихую попробовавшись вина на семейном банкете, он впервые познакомился с алкоголем. Выйдя после этого к старшикам, он видел, как в их глазах появилось какое-то уважение.

Если бы мать Руслана, работавшая тогда в детском доме и воспитывающая ребёнка одна, только могла представить, что не пройдёт и десяти лет, как её сынишка превратится в законченного наркомана, она бы убрала куда подальше свой стыд, за то, что сын живёт в неполноценной семье, и занялась его воспитанием. Но этого не произошло. Дед Руслана служил в армии и любил крепко закладывать за воротник после каждой полочки. В эти дни он ходил, пошатываясь, по двору, раздавая мальчуганам конфеты и дефицитные жвачки «Ну погоди», обладая их удушающим перегаром. Внуку в такие дни перепали не только сладости, но и достаточно крупные деньги. Дед тоже и думать не мог, что, ещё будучи школьником, внук начнёт таскать из дома деньги и вещи, чтобы покупать водку для себя и своих старших друзей.

Руслану запомнился день, когда дед вернулся со службы раньше обычного, еле держась на ногах. Он прямо расшвырялся, когда жена начала дома какие-то увещевания. Замах-

нувшись на дочку, он вышел в гараж, который стоял прямо перед домом, и стал вышвыривать на улицу какие-то вещи и припасы. Руслан стоял в это время поодаль, с возбуждением наблюдая за развитием событий. Подустав, военный по-дозвал внука. Они вместе пошли на берег реки. Здесь мужчина достал из кармана пригоршню медалей, которыми его одарила Родина, и дал их внуку. «В реку их!» – скомандовал он.

Руслану перешло возбуждение деда, он стал со всего размаху швырять в воду жалобно позвякивающие награды. Дед наблюдал за этим со злорадством, а мальчик тем временем уже успел спрятать в кармане две медали, которые ему показались наиболее ценными. Он знал, что за каждую можно выручить, по крайней мере, по бутылке водки, а если пове-зёт, то и больше.

Дед потрепал его по шевелюре и отпустил. Руслан вернул-ся во двор, но его злобное возбуждение не прошло. Он хо-рошо запомнил, как притихли его бабушка и мать, когда дед показал им свой здоровенный кулак. Сила решила все во-просы. Это неслабо заводило.

Руслан встал возле раскрытого дедовского гаража, за ко-торым втихую из окна приглядывала бабушка, и стал смот-реть, как ватага маленьких пацанов гоняет по пыльной пло-щадке мяч. Уличив момент, он схватил мяч и стал смотреть на реакцию футболистов.

Мальчики побаивались Руслана, но всё же решились по-

просить мяч назад. Он только улыбнулся. Они ещё много раз будут упрашивать его, прежде чем он достанет из кармана складной нож и порежет резиновый бок игрушки. Кто-то из игроков заплакал. Владелец мяча даже бросился на обидчика, но силы били неравны. Руслан был доволен, и он был сильнее. Оттолкнув жертву, он, молча, ушёл за гаражи курить.

Уже вечером, когда к ним домой пришёл отец обиженного мальчика, он на миг испугался, но потом, когда мать шёпотом попросила прощения и дала денег на покупку нового мяча, он понял, что теперь ему можно всё. Мать ему даже ничего не сказала, снова оправдав такое поведение отсутствием мужского воспитания.

Следующим этапом взросления стало знакомство со слабым полом. Руслан вскоре умудрился перецеловать и перелопатить практически всех девчонок, которые путались со старшиками. Некоторые были старше него на 5-6 лет.

Задавленная собственными родителями и брошенная мужем мать Руслана, только вздыхала, когда ей кто-то в очередной раз жаловался на поведение сына. Она бы вела себя совсем по-другому, если бы увидела своего Русланчика закоренелым наркоманом, потерявшим добрую половину волос вместе с зубами. Уже превратившись во фригидную бесполою амёбу, он будет рассказывать о девчонках, которым он «на прошлой неделе» устроил бессонную ночь.

Набравшись в очередной раз, он представлял себя силь-

ным и авторитетным мужиком, которому позволено всё, которого все боятся. Пусть и не уважают (потому, что они ничего не понимают в жизни пацана), но боятся до дрожи в коленях. Особенно радужными казались перспективы под воздействием анаши. Он и в страшном сне не мог себе представить, что будет вынужден работать поваром в грязной столовой, из которой его потом с позором и побоями выгонят за кражи, что мать откажется от него, когда он, продав практически всё из квартиры, поднимет на неё руку, чтобы та отдала на дозу остаток своей пенсии. А ещё он никогда не задумывался над тем, что даже молодой организм не может выдержать пятнадцать лет наркоманского стажа. Ближе к тридцати годам он превратился в хромающую развалину, один глаз перестал видеть (отслоилась сетчатка) после того, как какой-то амбал врезал ему за попытку вытащить из машины регистратор. А о состоянии своих внутренних органов он мог судить лишь по постоянной тупой боли в области печени, трепыхающемуся сердце и горечи во рту.

Худой, как палка, он не вызывал не то что страха, но даже жалости. Ему теперь удавалось добыть деньги одним путём – он подкарауливал в подворотне молодых девушек, вставал у них на дороге со шприцем в руке и, угрожая, что сейчас заразит их СПИДом, требовал денег. Этот трюк проходил часто, хотя он и не был уверен, что у него не было ВИЧ.

Глава вторая. Руслан (II)

Не голова, а помойка! Столько в ней всего и разом. И надо же: гордость и мерзость вместе уживаются там. На улице такая противная погода – тучи чернющие да ещё ветер холодный, пронизывающий. И так трясёт с утра после вчерашнего. Отходняки.

Утром он очнулся в какой-то квартире. Даже не знал, чья это хата. Как в песне Биг Рашен Босс. Кто-то растолкал его. Женщина какая-то. Чуть не пинала. Давай, мол, сваливай, а то скоро хозяева придут. Он обвёл заплывшими, красными глазами этот гадюшник. Два существа бесполой шарахались в санузле, кто-то спал на диване, отвернувшись к стене. Руслан пошёл на кухню, выпил прямо из чайника холодный и горький чай. В комнате он осмотрелся. Видимо из квартиры давно продали всё ценное. «Почти как у меня дома!» – подумал Руслан. На столе перед диваном лежал сотовый телефон. Он сунул его в карман, уверенный в том, что телефон его, хотя свой он давным-давно загнал. В коридоре он среди горы курток отыскал свою. Карманы были пусты.

На улице витала мерзость. Руслан сразу обзавёлся парой сигарет у какого-то школьника. Ноги едва двигались. Всё тело ныло. Скоро опять будет ломать.

До теракта оставалось несколько часов. Но ему-то что?

Он был даже в неплохом настроении. Помнил чётко, что

вчера была компания «друзей», были шашлыки, суши, «ягуары» и кое-что ещё. А всё благодаря его смекалке. Гордился, прям, собой.

Шатался позавчера по окраинам и набрёл на грудку труб. Ржавые, но видно, что не использовались ещё. Лежат себе у обочины. Целая дюжина, а вокруг прямо никого. На следующий день Руслан сработал оперативно, как никогда раньше. Сделав несколько звонков, вызвал машину, нашёл покупателя. Кран погрузил трубы минут за тридцать. И всё «без сучка и сучки». Он мандражировал, пока погрузка шла. Надо же было ещё так себя вести, чтобы водилы не сомневались, что груз этот его. Хотя, что там сомневаться. Они были уверены, что не его этот груз. Поэтому и взяли двойную цену.

Когда стали выезжать с места, «Газель» прошла нормально, а вот кран был высокий. Вот и врезался в газопровод. Стрелой своей выгнул трубу, она сверху разорвалась. Руслан выскочил из кабины, посмотрел. Быстро смекнул, что дело швах. «Разворачивайся, – говорит водителю крана, выезжай, как приехал сюда, а я в горгаз позвоню». Кран поурчал, уехал в соседнюю улочку. «Погнали! – скомандовал хозяин, вернувшись в кабину. – Я сказал этому, чтобы сам разбирался тут с газовиками». Грузовичок резво покотился по дороге, а через час у Руслана в кармане уже было столько денег, сколько он обычно и за два-три месяца не видывал.

Стоит отдать должное парню. В такие моменты он мог быть щедрым. Для друзей ему было ничего не жалко. Вна-

чале он хотел отложить эти деньги и взять только треть, чтобы погудеть и зависнуть. Товарищи подтянулись сразу. Даже те, кого он раньше не видел, а может, просто не помнил. Гулять начали в одной из недорогих забегаловок уже в обед. Компания алкашей и наркоманов готова была на руках носить своего благодетеля. В ход пошли рассказы правдивые и не очень о щедрости и широте души Руслана. Потом кто-то по запарке поздравил его с днём рождения. И понеслось! Вскоре он уже и сам решил, что празднует днюху. К вечеру деньги закончились. Пришлось ехать домой за оставшейся частью. Компания направилась в какой-то чмошный клуб. Здесь, несмотря на уровень заведения, охрана отсеяла добрую половину празднующих. Глубокой ночью самые стойкие переместились на вписку (вечеринка на квартире с последующей ночёвкой. Прим. автора) к кому-то. Для всех у Руслана уже были приготовлены особые угощения. Здесь утром он и очнулся без денег и без представления о том, кто здесь обитает.

Теперь у него даже не было денег на тримол или анальгин. Болели ноги, глаза, колело сердце. Нужно было срочно поправить здоровье. Для этого требовалось сбыть телефон, но сделать это аккуратно и при помощи проверенных людей.

Значит, денег придётся раздобыть тут и побыстрее, потому что ощущение у вчерашнего благодетеля было такое, словно он сейчас ласты склеит. Руслан понял, что находится не очень далеко от центра. Ноги сами повели его туда. Толь-

ко вот не было поблизости подворотен, где можно было бы отжать хотя бы пару сотен для таблеток или пива.

Люди вокруг всё торопились, шарахались от хромого и покачивающегося из стороны в сторону наркота.

Внезапно прямо перед ним выросла симпатичная девушка. Она стала что-то щебетать, махая перед его носом какими-то бумагами. Руслан улыбнулся беззубым ртом, стал рассматривать милое личико красными глазами, один из которых практически ничего не видел.

– У тебя есть таблетка от головы? – наконец спросил он, думая, что девушка откуда-то знает его.

– Есть! Идите сюда! – позвала она.

Удивившись ещё больше, он последовал за ней. Тут возле какого-то красивого дома скопилась целая толпа. Поодаль стояли полицейские. Руслан посмотрел в их сторону с опаской. К горлу подступила тошнота. За партой, прямо на улице сидел ещё один парень и толстая до безобразия женщина. Они держали руками кучу листов, чтобы холодный ветер не унёс их. Девушка налила воды в пластиковый стаканчик и протянула ему вместе с таблеткой.

– Что происходит? – спросил он, рассматривая людей.

– А то происходит, – писклявым голосом отвечала толстуха, – что акт вандализма происходит! Попрание нравственных основ нашего общества! Хотят, чтобы в столице культуры и искусства родилась мерзость, какой свет не видывал.

У Руслана был неприятный гнусавый голос, как у Павлика

наркомана, но от тембра женщины его аж передёрнуло, словно пилораму запустили рядом. Надо же какие голоса бывают. Сами как акт вандализма. «Уж если ты при красоте и петь там мастерица!» – проговорил он про себя. В общем, он ни слова не разобрал. К нему снова подступила девушка. Уж не заигрывает ли?

– Нам нужно собрать голоса в петицию, чтобы не было этой презентации. Вон они, видите, уже скоро откроют. А мы может, успеем собрать и подать в мэрию, чтобы не проводили сегодня. И вообще не проводили.

Руслан к ней проникся прямо светлыми чувствами. Другими-то, мужскими, он давно не мог проникнуться. Такая вот доля наркоманская. Только на словах и можно поддерживать своё мужское достоинство. Но даже если эта красавица сама к нему обращается, то не помочь ведь нельзя!

Он написал свою фамилию (это ещё мог написать) где она указала, а потом расписался в отдельной строчке. Девушка прям просияла. Ангелок спустился на грешную землю, чтобы мерзость не родилась.

Ветер крепчал. К этой троице не святой присоединилось ещё несколько десятков человек. В основном бабульки, которым заняться нечем. В руках плакаты да иконы. Вроде не праздник сегодня...

Полицейские сразу ловко оттеснили этих юродивых от входа, встали цепью. Деликатно так действуют, профессионально. Даже по морде никому ещё не дали.

На лестнице у входа появилась разодетая женщина. Люди, которые толпились с другой стороны, окружили крыльцо, стали таращиться. А она в микрофон вся говорит. Ветер завывает, а ей будто не холодно в одном платье и накидке.

– У нас, друзья, – говорит, – сегодня радостное событие. Мы с вами являемся свидетелями появления на свет нового шедевра, который станет мировым бестселлером и будет переведён на все языки. Это уже решено! Люди заплодировали, а девушка с бумажками стала себе руки ломать, плачет аж. Бабульки с иконами попёрли на стражей порядка. Не позволим мол, осрамиться!

– Что же делать? – стала она повторять, глядя по сторонам. – Это как же? А петиция? Почти все голоса собрали! Нельзя допустить!

Её никто не слышал. Только Руслан стоял рядом и рассматривал её ушко. Маленькое такое, изящное, с рядом серёжек. Недорогих, не продашь их...

– Что же вы стоите? – спросила она, повернувшись к нему. Не дождавшись ответа, она стала проталкиваться к лестнице и кричать что-то. Ну, одно слово кричать. Её голоска никто и не слышал. Этому ангелу надо было захватить трубу иерихонскую хотя бы. Руслан не смог устоять. Возомнив себя поборником добра и справедливости, он последовал за прекрасной дамой, прямо к ненавидимым полицейским.

– Э! Что за дела?! – закричал он хриповато. – Позорные! Позор!

Люди посматривали на него, сторонились, кто-то крестился даже. Рост не позволял Руслану видеть, что происходит там, у лестницы, где рождается мерзость. Он покрикивал, стараясь не терять в толпе девушку и разглядеть, что же там твориться.

В общем, он сам не заметил, как оказался в первых рядах протестующих. Подогреваемый интересом, он лез меж двух сотрудников, стоявших плечом к плечу. Надо было ему тогда к другой толпе подойти, так нет же. Может его пикет был бы подольше и поприятнее. А теперь вышло, как всегда.

Прихрамывая, он, подпираемый сзади толпой, наваливался на сотрудников. Те что-то говорили, но их тоже не слышно было. Короче говоря, закончилось всё тем, что один сержант крепко толкнул в грудь Руслана. Он в руке держал ещё и дубинку. Так получилось, что этой дубинкой ему ровно между глаз досталось. В голове и так был звон, ветер и помойка, а когда чёрное «спецсредство» коснулось его лба, там началась такая пурга, не хуже чем в снежном шаре, когда потрясёшь его. Руслан упал навзничь. Сразу, как подкошенный свалился. Бабки все заверещали, репортёры откуда-то появились. Стали фотографировать, как Руслан валится, как смотрит в небо ничего не понимающими глазами. Хорошие тогда у них снимки вышли, то, что надо.

Протестующие хотели было его к себе затащить, но полицейские оказались проворнее. Они всё так же вежливо отстранили бабулек, а двое ловко схватили Руслана за ноги и

выволокли за цепь. Он немного очухался, понял, что что-то нехорошее с ним происходит, но сопротивляться был не в силах. Те двое, которые его вытащили, теперь подхватили его под руки и потащили в автозак. А репортёры всё стараются, снимают.

Глава третья. Руслан (III)

Когда Руслан закидывался чем-то, его совсем переключивало. Видимо в его голове осталось так мало работающих нервных связей, что при приёме очередной дозы, они полностью блокировались. В редкие моменты трезвости, когда у него невыносимо болел желудок, и ломило руки, Руслан вообще не мог понять, где он находится.

Как личность он уже совершенно перестал существовать. Осталась худая наркотическая тень, которая непонятно зачем ещё ходила в этом мире под солнцем. Хотя, возможно он жил для того, чтобы рассказывать таким же, как он сам ушлёпкам, о том, что произошло в ТОТ день. Ведь он оказался в самом эпицентре теракта.

Впрочем, эти истории каждый раз рассказывались по-новому, и фантазии в них становилось всё больше, поскольку сам рассказчик ни черта не помнил даже о том, что произошло вчера. Мир грязных, пьяных грёз давно стал более реальным. Туда он каждый день возвращался, как домой. Вот только для того, чтобы возвращаться, нужно было рассказывать, нужно было, чтобы какой-нибудь благодарный слушатель дал возможность вмазаться.

Вот и сегодня его притащил в современное кафе какой-то парень, который хотел похвастать своей находкой. Он притащил старика за шкирку и усадил на отдельный стул.

– Давай, ботай! – почти скомандовал он.

Руслан поднял опухшие, слезящиеся глаза на компанию за столом. Два шикарно разодетых парня и смазливая девица. Явно проститутка. Руслан выглядел, наверное, вдвое старше своих лет. Да и был он на самом деле вдвое старше, чем было указано в бумажках разных. Он не очень понимал, что от него требуется, и где он находится. Поэтому он, решил «залимонить понты».

– Я ваще с такими петухами не сижу! – начал он неопределённо. Было едва понятно, что он шамкает беззубым ртом с заплетающимся языком. – Только с цыпами. Я вот так говорю им, когда на лавке сижу: «Погнали мне за окурками! Влёт!». Эти мои шестёрки тогда сразу шевелиться начинают. Приносят даже с фильтром. Э... Пить нужно принести! Сушняк, – он потянулся за бокалом с синей жидкостью, который стоял на столе. Все смотрели на это с интересом, как будто на представление. – Они тогда подгоняют даже с фильтром бычков. А я, как положено, сижу, курю. Пахан же!

Свою речь он обильно перемежал отборными ругательствами, которые время от времени по объёму превышали смысловые части предложений, отчего Руслан начинал путаться сам.

– Я тогда жвачку под горкой видел, на! Даже зелёную. В штабе.

Парень, который привёл Руслана, дал ему хорошую затрещину.

– Давай про теракт рассказывай! Ток эбаут (от *англ.* Talk about – говорить о) тот день, почему металл стал всплывать?

Руслан медленно перевёл на него глаза, один из которых был закрыт мерзкой белой плёнкой.

– Что ты толк эбаут? Какие окурки? Укурки?

– Руслан долго-долго думал о том, как ему отреагировать на такое неуважение. Он хотел схватить вилку и пырнуть обидчика. Потом перевернуть стол и наброситься на фраеров, чтобы они уважали честного вора. Но потом медленные мысли его совершенно запутались. Он понял только, что от него хотят, чтобы он вновь вспомнил тот день.

– Утром я проснулся короче и не пойму где.

– Ноуп, это фуфло не нужно. Сразу давай.

Руслан послушно покачал головой.

– Смотрю, короче, там толпа стоит. Кипишь какой-то. Одна цыпа прямо ко мне, короче. Мол, помоги, туда-сюда. Ну, мне не в лом это. Я врубился. Стою там, и как раз мусора подкатали. Я не при делах был, только трубу в тот день отработал, а они мне с ходу своим выключателем дали. Я не в понятках, ноги подкосились. Эти двое меня раз и в автозак свой.

– Давай, давай! – подбадривал его один из парней за столом. Он достал из кармана какую-то таблетку и глотнул, запив коктейлем.

Руслан думал, что он уже нарасказал на таблетку кислоты, но он сильно заблуждался.

– Короче, подержали меня они малость, потом выпустили, говорят, мол туда-сюда. А мне по фиг всё это. Я вышел, а нервы то нужно успокоить. Отошёл и смотрю там курица (курьер, делающий закладку наркотика – Прим. автора) знакомая идёт. Ну, он меня не приметил, лох. Я за ним. Он в подик (подъезд – Прим. автора) и клад (закладка наркотика – Прим. автора) там сделал. Я подождал, пока он слинял, как чайка (человек, который ворует, заложенный курицей наркотик – Прим. автора) разминировал (взял «клад» – Прим. автора) его и норм. По дэхе (немного, чуть-чуть – Прим. автора) сразу закинулся, но паль (подделка – Прим. автора) оказалась, вполовину разбодяженная. Я всё глотнул и ноги.

– Да чё ты мне трип свой тэйлишь (рассказывать о впечатлениях, полученных под действием наркотика – Прим. автора)? По делу давай, или сейчас на улицу тебя вернём.

Руслан снова поглядел на стаканы.

– Сушняк. Надо воды. Эй, бедолага!

Парни смотрели на него с улыбками.

– Я в бобике сидел, пока всё это случилось, – наконец перешёл к делу Руслан, – все, короче, внутрь сначала запёрлись. А мне через решётку тоже херово видно. Короче один чел туда тоже зашёл. Во всём чёрном, такой, борзый. – Он видимо и взаправду вспомнил тот день. – Минута проходит, и началось там дикое шмалево (перестрелка – Прим. автора). Не, не в смысле, что шмали много было. Хе-хе! Шмали много не бывает. Шмалять начали внутри. Ну, я, блин, на пол

схоронился. А сам думаю, что тут хорониться? Тачка не спасёт! Орево (крик, шум – Прим. автора) началось, кто ломанулся, кто остался. Кипишь! Мусора в разные стороны. Бабы эти тоже, кто – за мусорку, кто – в канаву попрыгал. Вот я за ними угарал. А самому-то прятаться некуда. Пипец! – он неожиданно замолк и замер, словно у него отключилось питание.

– И потом? Потом началось? – не выдержал парень, что привёл его.

– А? – вздрогнул Руслан. – Да, да, ништяк! Я отвечаю, это потом началось. Это как мощный приход такой. Я в автозаке этом ещё с тремя бедолагами сидел. Когда шмалять стали, один мусорок подбежал к нам и дверь открыл, чтобы нас не положили там. Как будто он по доброте, так сказать душевной! Там! Он это чтобы за жмуров не отвечать, если что! Я их знаю. Анекдот, короче, пацаны!

Парень снова толкнул его.

– Да, да, короче, мы чухать. Я на соседнюю улицу и замер тут же. Вижу, с горизонта поднимается облако огромное. Я даже не понял, что происходит. Белое большое, увеличивается, увеличивается. Не пойму, что происходит. Я ноги делать. Потом смотрю, а по небу летят ангелы. В натуре. Полу-прозрачные такие, как самолёты. И летят, а вокруг всё дрожать начинает. Гаражи там стояли, так они чуть от земли не оторвались. – Видя, что Руслан вошёл в раж, парни стали посмеиваться и толкать друг друга. – Всё стучит, я просёк, что

ангелы эти шмаляют по тем, кто бежит. Они их просекают, получается. Хорошо я докумекал, что в канаву надо схорониться. Я в арык залёг, как в окоп, в натуре!

Я прям прочухал, когда он надо мной пролетел. Он прям на меня зырил. Отвечаю, пацанчики! И оставил меня, прикинь? Я так и понял, что это мне знак. Я зуб даю.

Один из парней налил в бокал, из которого пил Руслан, шестидесятиградусной водки. Рассказчик взял его трясущейся рукой и выпил залпом. В глазах его проступили слёзы. Можно ли их считать слезами радости, осталось неясным.

– Давай, ремембер (от англ. remember – вспоминать)! Нам по приколу! – смеялись над ним парни. – Что ты там ещё про огонь с неба плёл? Вчера LOL (ЛОЛ/LOL – Звуковая аббревиатура от англ. LOL/lol – laughing out loud «громко смеясь» Прим. автора) был отпад!

Руслан уже думал только о том, как бы скорее получить свою пару таблеток. Он уже не мог вспомнить больше ничего. Всплывали какие-то сумбурные мысли, не связанные ни с тем событием, ни с этими людьми. Он понимал, что от него требуют ещё что-то, что он не отработал свою дозу. Нужно было срочно дополнить рассказ, чтобы ничего не сорвалось. Нужно было услужить этим ублюдкам, непременно угодить им, чтобы они сняли боль, чтобы забыться, вернее, чтобы вернуться в настоящий мир из этого кошмара.

– Был! Был и луч с неба! – словно вспомнив, вдруг вскрикнул он. – Когда полетело это полчище ангелов, шум поднял-

ся такой! Они пролетели надо мной, я подскочил, какие-то гаражи рядом были. Я туда ломанулся. Двери были хлипкие, еле держались на петлях. Залетел. Там две машины стояли. И две женщины были ещё внутри и дети тоже. Они на меня сразу смотрят. Шары как тарелки. Показывают, шикают, мол, молчи. Да я и сам слова сказать не могу. Внутри две машины запылённые. Я пригнулся, затихарился. И тут снова такой приход пошёл. Короче, я прям чувствую, что все железяки кверху поднимаются. И машины, и гараж сам. У меня прям очко заиграло. Честно скажу. Но тут ничё такого. Вы бы, черти, на моём месте вообще обгадились! – вырвалось у него. – Я достал сухой (Наименование разновидности наркотика на сленге наркоманов. Прим. автора) и весь употребил. Сразу. Чуть накрыло меня. Я к машине сел, потом не заметил сам, как сполз. Лежу на земле, а вокруг всё грохочет. И тут, раз! Раз! Отрывается гараж этот и сносит его! На хер весь сносит! И вижу, что с неба луч такой на землю. Прямо на меня почти. И такое спокойствие потом. Расслабон.

– Это у тя уже трип-репорт поехал! – прервал его парень. – Ну, хау (от англ. How – как)? – обратился он к своим друзьям.

– Норм! Норм! – слышалось в ответ. – Зачётный лешак.

– Вот! – обрадовался первый. – Я же говорил, что прикол! – он посмотрел на Руслана. – Колесо?

Тот закачал головой, как бобик, которому косточку показали. Вся былая гордость, все понты вдруг исчезли ради за-

ветной таблетки.

Парень за столом лениво полез в карман и из маленькой пластиковой коробочки вытряхнул таблетку. Потом, подумав, он вытряхнул ещё одну. Руслан готов был его расцеловать.

– На! – он швырнул их на стол.

Руслан стал брать маленькие таблетки грубыми, грязными и непослушными пальцами.

– Тейк я брэд, бро (от англ. Take your bread, бро – возьми свой хлеб, братец)! – сказал парень.

Руслан встал. Он не очень понял, что ему сказали. Увидев тарелочку с хлебом, он взял несколько кусков и сунул в карман своего серого пальто. Теперь он стоял жалкий и грязный, словно ждал команды.

– Можешь идти!

Теперь, получив дозу, он вспомнил о гордости. Сначала хотел сказать «благодарю», но сдержался. Заглотив обе таблетки, ещё не дойдя до двери, он почти сразу почувствовал, как яд проникает в его мозг. В голове зашумело, вокруг стали мелькать цветные вспышки. Он вышел в заплёванный и вонючий проулок, прошёл несколько метров и, споткнувшись, упал. Перед глазами у Руслана стояла скамейка из его детского двора. Он послал младших за сигаретами и теперь сидит, прокручивая в руке спичечный коробок. Ему тепло и хорошо. Лето – самое лучшее время. Нет школы, никто тебя не трогает. Раздолье. Скоро должен прийти со службы дед.

Руслан уже знает, что сегодня ему дали премию по случаю Дня Победы, и он обязательно крепко выпьет. А если он выпьет, то обязательно даст внуку конфет и, если повезёт, денег. Вся жизнь впереди, полная риска, удачи и удовольствий. Руслан улыбается.

Глава четвёртая. Владик (I)

По правде сказать, его звали не Владик, а Владислав Геннадиевич Пелехов. Ну, у кого язык повернётся назвать сорокалетнего усатого мужика в кепке, да ещё работающего на заводе автошин, Владиком?

Хотя были и такие времена. Жена его так называла. Давно это было, а кажется, что недавно. Впрочем, он помнил каждый год, каждый день своей жизни, пусть они и мало чем отличались.

Когда жена его звала Владиком, он любил сидеть во дворе на скамейке и покуривать вонючие дешёвые сигареты. На горке с детьми носился его старший сынишка, а он радовался, что из него вырастет такой же человек с большой буквы, как и он сам.

Родители Пелехова были фронтовиками, и родился он уже совсем поздно, когда обоим им было за сорок. Они, жившие часто впроголодь, не знавшие сна и отдыха, отдававшие всё для Родины и для фронта, воспитали его таким же. Он аккуратно, но не слишком успешно отучился в школе, затем в училище. А потом по распределению попал на завод автошин, где и работал, повышая разряды и производительность труда.

До работы было достаточно далеко, но Владислав Геннадиевич каждый день ходил туда и обратно пешком. Летом

было жарко и утомительно, зимой – холодно, но он упорно твердил себе, что это полезно для здоровья. На самом деле ему доставляло огромное удовольствие чувство, когда он понимал, что сэкономил на автобусе.

Вообще экономия стала его символом в жизни. Впрочем, он себе в этом признаться не мог. Он просто считал, что никакие излишества не нужны. Да и зарплата не позволила бы их ему. Весной и осенью он ходил на работу в светло-коричневом полупальто и кепке. Зимой – соответственно в зимней куртке и чёрной шапочке. На ногах были некрасивые, но добротные и начищенные ваксой полуботинки на толстой подошве. На лето были припасены две рубашки с коротким рукавом, сандалии и брюки, сшитые женой Юлией. Пелехов не переживал на счёт одежды и того же требовал от супруги. «Чего там? – спрашивал он удивлённо. – Мне ведь только до работы дойти. А там у меня тужурка есть, да и комбинезон. Зачем столько денег тратить на новую куртку? Да и твоя ещё вполне хорошо выглядит! У некоторых и такого нет, Юляша!». Потом он целовал расстроенную жену в ушко, давая понять, что разговор окончен.

На работу он ходил с неизменной баночкой, в булочной брал только серые хлебные кирпичи, да и на рынок они направлялись с сумками, сшитыми женой.

Курил он на лавочке так: расставлял ноги пошире, немного сдвигал на затылок кепку, наклонялся вперёд, опирая локти на колени. В этой позе он осматривал двор и думал, что

жизнь удалась. Совесть его была чиста, на работе его уважали за самодисциплину и высокую производительность. К нему обращались не иначе как «Владислав Геннадиевич» и вручали премии к праздникам.

К Пелехову подбежал раскрасневшийся от бега сынишка. Он по совету отца взял у соседской бабульки мусорное ведро и сам сбегал на помойку. «Молодец, Саня, если будешь себя хорошо вести и отлично учиться, то станешь таким же уважаемым человеком, как и батя! Ты же видишь, как со мной все здороваются? А потом устроишься на работу и будешь специалистом!». Сказав это, он задумался, отпустив сына на горку. Недавно ему предложили работу в одной частной фирме электриком. Жена горячо ратовала за это предложение, но он, недолго думая, отказался. Ну и что, что зарплата почти вдвое больше? Зато кто знает, что будет с этой фирмой завтра? А завод уже шестьдесят лет стоит и ещё шестьдесят простоит! Здесь стабильность, а там только туманные перспективы. Мы что, голодаем? Или раздетые ходим?

Поначалу Юлия пыталась мягко намекнуть мужу, что некоторые ездят летом в санаторий, копят на машину или на образование для детей. Она намекала, что их друзья перешли на работу в частный сектор и живут совсем неплохо. Один раз она на утро, после почти бессонной ночи, когда пыталась сшить себе платье к 8 Марта, устроила ему скандал, заявив, что заслуживает хотя бы раз в году обновки. Он ска-

зал, что понимает и любит её и тут же выдал ей из кармана с великой гордостью сумму, которую едва ли хватило бы на четверть платья. Он ждал от неё благодарности, считая, что денег хватит, по крайней мере, на две вещи, но она никак не могла прекратить плач, не в силах сдержать обиду и боль.

Пелехов любил размеренность и порядок в жизни. Ему казалось, что это и есть стабильность. Он всегда шёл с работы одним и тем же путём, заходил за хлебом в один и тот же магазин и приходил ровно к ужину. Потом он смотрел телевизор, пока жена разбиралась с посудой. Уделял он время и детям – строго проверял домашнюю работу, когда дети учились в школе. Он старался им говорить нравоучительные слова, честно отдавая свой долг родителя и воспитателя.

Владик не знал, что когда сын подрастёт, окончит училище и не поступит на учёбу в вуз, он будет так же ходить в своём пальто. Саша вырастет долговязым, забитым и нелюдимым пареньком. Завод шин к тому времени будет на грани банкротства, вакансий там не будет. Саше придётся перебиваться временными заработками. Отца это будет страшно раздражать, хотя он и постарается не показывать этого. Сын съедет на съёмную квартиру, как только получит первую зарплату.

Он и не думал, что дойдёт до такого. Это был канун какого-то праздника. Саша пришёл к родителям со своей такой же забитой женой. Юлия готовила «праздничный» ужин – «ножки Буша» с картошкой.

Семья уселась за стол, покрытый бабушкиной скатертью. По такому случаю достали фамильные ценности – массивные советские хрустальные рюмки, салатницы и потемневшие от времени мельхиоровые приборы. Пелехов даже достал сделанную собственноручно перцовую настойку. Отчего-то он был очень весел.

– Такие дела, Санёк! Видал, какие ракеты у нас теперь? Я вчера по программе «Время» смотрел. Теперь американцы ссаться будут!

Сын молчал, ковыряя курятину.

– Как твоя фирма, не загнулась ещё? – продолжил он, спустя рюмку.

– А что ей будет? – невесело спросил парень. – Работаем так же.

– А то и будет, что директор уже на Мерседесе ездит, а вы впроголодь живёте! – Пелехов словно ждал ссоры. – Это раньше частники больше платили. Теперь-то почти вровень. Ты бы пошёл на подшипниковый, справился, есть ли места.

– Зачем мне это? – подняв глаза, спросил Саша. – Если вровень вышли, какая разница?

Пелехов откинулся на спинку стула, провёл ладонью по седеющим усам. Юлия посмотрела на него с мольбой, предвидя неладное.

– А ты не помнишь, что я говорил? В частном секторе – нестабильность. Никакой перспективы роста нет. Если бы сразу на завод устроился – уже бы разряд получил, зарплату

ПОДНЯЛИ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.